

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 172.12:172.2

В. А. ЕВДОКИМОВ

Омская гуманитарная академия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- АДМИНИСТРАТИВНОЙ БЮРОКРАТИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Автор статьи выявляет типы трансформации отношения государственно-административной бюрократии к профессиональной деятельности, предлагает характеристику феномена *рептократии*.

Ключевые слова: бюрократия, трансформация, отношение, рептократия, конкуренция, контроль.

Государственно-административная бюрократия как средство осуществления управленческой деятельности не является безликой массой, исполняющей чужую волю, оказывает влияние на механизмы выработки и принятия решений в сфере власти. Отношение сотрудников аппарата законодательных, исполнительных органов, или функционеров, к профессиональным занятиям претерпевает изменения, что влечет как положительные, так и неблагоприятные для общества последствия. Во влиятельную силу превратилась *рептократия*.

В философии понятие «отношение» характеризует взаимозависимость элементов определенной системы и используется для обозначения взаимодействующих вещей как отдельных предметов материальной действительности, обладающих устойчивостью существования. Из размышлений Г. В. Ф. Гегеля вытекает вывод о том, что всякая конкретная вещь состоит в различных отношениях ко всему остальному [1, с. 63–64]. Функционер, включенный в бюрократическую систему, вступает во взаимодействие с множеством людей,

ощущает зависимость, по крайней мере, от части их. Его представление о профессиональных занятиях складывается под влиянием убеждений как осознанных мотивов, побуждающих индивида действовать согласно собственным взглядам, а также особенностей мышления как процесса отражения объективной реальности и решения проблем, связанного с переходом от исходных условий к получению результата.

Для теоретиков, следующих демократической традиции (Ж.-Ж. Руссо, Д. С. Милль, Дж. Коул, К. Пейтман), привлекательность расширения участия граждан в политически важных действиях связана не с обязательным принятием конструктивных решений, а с созданием условий для развития людей, обогащения их кругозора, повышения значимости их взаимоотношений. Совершенствование личности в сфере власти предполагает, что гражданин способен сформировать систему ценностей и определить нормы своего поведения, а мотивы его деятельности устойчивы. Часть людей, желающих пополнить аппарат государственных органов управления, она интересует как инструмент постижения закономерностей развития объективного мира и преобразования общественной среды. Причинами влечения к административной работе могут служить также потребность в признании коллегами достоинств субъекта, стремление подчинить своему влиянию других людей, идеологические представления, корыстолюбие.

Мотивы деятельности функционера характеризуют политическую систему и преобладающие в ней ценностные ориентации, режим власти. На отношение чиновника к профессиональной деятельности влияют используемые в России демократические или авторитарные методы управления, различие интересов государства и общества, патерналистские традиции, формальное разделение власти при доминировании исполнительных органов, распространение непубличных, закулисных форм рассмотрения и принятия решений. В условиях явного или скрытого соперничества, дефицита ресурсов, а также распространения слухов и предрассудков бюрократ действует иррационально, а его претендующие на монополию суждения превалируют над аргументами. Тем сложнее функционеру всесторонне оценить разнообразные обстоятельства, в которых он совершает поступки, а также предвидеть результаты взаимодействия большого количества людей, характеризующихся различными интересами и типами сознания, определить планы, которые можно осуществить. Чтобы сохранить статус, бюрократ подвергает корректировке ценности и модели своего поведения. Последствия ее можно выявить в анализе действий сотрудников аппарата органов власти, их реакций и мыслей, выражаемых на собраниях, митингах, совещаниях, в масс-медиа, а также межличностном общении.

Какими бы мотивами не руководствовались бюрократы, они не довольствуются участием в реализации управленческих функций и не отстранены от политической деятельности, отражающей отношение субъекта к социальным институтам и направленной на органы государственной власти ради удовлетворения потребностей различных групп общества. Люди, по мнению Р. Михельса, подвержены влиянию «железного закона олигархических тенденций» [2, с. 42]. Способствуя обеспечению предсказуемости и преемственности политического курса, функционеры поддерживают господствующую

партию и управляющих, стремящихся сохранить привилегированное положение, не являются нейтральными по отношению к участникам избирательных кампаний, участвуют в переговорах о распределении властных полномочий, статусов, а также материальных благ. Влиятельность бюрократии в политической сфере очевидна в анализе такого явления, как «административный ресурс». Оно связано с изъятием агитационных печатных материалов, рассказывающих о неугодных чиновникам кандидатах в депутаты, созданием препятствий для них при регистрации избирательными комиссиями или организации встреч с гражданами, давлением на людей, которых будто бы лишат многих благ, если они не проголосуют на выборах так, как им рекомендуют функционеры.

Участие чиновников в политически значимых действиях не соотносится с типом господства, вариантом идеальной бюрократической деятельности, предложенным М. Вебером и предусматривающим наличие обособленных служб и компетенции, установленной в законах и правилах, иерархию в реализации возможностей управления и исполнения, отделение осуществляемой функции от свойств и характеристик человека [3, с. 71]. По мнению исследователя, перспектива демократических государств может быть связана с тотальной бюрократизацией общественной и государственной жизни. Однако позднее Р. Мертоном в анализе деятельности аппарата органов власти применено такое понятие, как «дисфункция», сопряженное с переносом чиновниками акцента с целей организации на ее средства. Вследствие этого дисциплина, инструкции, иерархия становятся самоцелью, сверхконформизм чиновника связан с консерватизмом, боязнью нового, ритуализмом, а «инструментальные цели становятся конечными» [4, р. 199].

Эти качества, впрочем, присущи не всей государственно-административной бюрократии. Она неоднородна, не является единым целым. На эту особенность чиновничьей среды обратил внимание Т. Парсонс. В предисловии к американскому изданию труда М. Вебера «Хозяйство и общество» исследователь привлек внимание читателей к двум противоположным элементам, которые содержит тип идеальной бюрократии: бюрократический и профессиональный [5, р. 58–60]. С Т. Парсонсом солидарен А. Гулднер. По его мнению, профессионал и бюрократ — различные фигуры в организациях и противоположные основания власти [6, р. 262–265].

Именно с профессиональным осуществлением функций руководства связывают такую форму управления, как адхократия, возникшую в 70-е годы XX века. С помощью этого понятия Э. Тоффлер охарактеризовал гибкую, быстро изменяющуюся структуру, в которой место постоянства занимают кратковременность и мимолетность — высшая степень подвижности при переходе от одной организации к другой, постоянно происходит порождение и отмирание временных рабочих групп [7, с. 168]. Их труд не стандартизирован, основан на творческом подходе и самостоятельности в принятии решений, неприсоединении к какому-либо учреждению. Однако общество не выделяет профессионалов в совокупности функционеров. Среди россиян бытует мнение о том, что политика — «грязное дело» и высоко нравственных людей в ней не может быть [8], эта деятельность не привлекает 54 процента жителей [9]. Лишь менее четверти граждан хотели бы работать государственными служащими в системе

управления [10, с. 42]. Многие довольствуются тем, что в избирательных кампаниях делегируют полномочия кому-нибудь из претендентов на властный статус, не желают вступать в какую-либо партию. Однако чем больше россияне индифферентно относятся к политике, организации бюрократической деятельности, тем ниже уровень конкуренции среди тех, кто стремятся получить административные полномочия в аппарате исполнительных или законодательных органов. Тем легче проникнуть в ряды чиновников людям, воспринимающим корыстолюбие в качестве основного мотива работы.

Изменение отношения функционеров к своему труду может происходить в интересах господствующей в обществе группы, партии, формирующей правительство и региональные органы власти, и (или) общества. Деятельность бюрократа, способного использовать при составлении программ методы социально-политической и экономической диагностики, агрегирования информации при моделировании социальных процессов, незаменимого при составлении докладов и справок, владеющего искусством выдавать беспредметное за содержательное, а новое дело превращать в рутинное, отражает изменение одних представлений об обязанностях чиновника, утрату других, формирование третьих.

Можно выделить несколько типов трансформации отношения государственно-административной бюрократии к профессиональной деятельности. Во-первых, *утилитарный*. Индивиды, окончившие университет или работающие в профсоюзных, общественных организациях, на негосударственных предприятиях, движимые стремлением избежать риски и раскрыть собственный потенциал, прилагают усилия, чтобы оказаться в числе чиновников, и добиваются успеха. Осваивая функциональные обязанности и принимая основные нормы бюрократической деятельности, установленные в этой сфере правила поведения, они претендуют на высокий социальный статус, стабильные доходы и приемлемые условия труда.

Изучая профессиональную среду, чиновник осознает, что в России при вовлечении людей в работу государственно-административного аппарата чаще всего учитывают не деловые и интеллектуальные качества индивида, а протекцию, родственные или дружеские связи. Следовательно, «попадание в обойму» является не только признаком жизненного успеха, но и индульгенцией для неэффективно работающих функционеров, которых переводят из одной государственной организации в другую. У большинства бюрократов вырабатывается способность быстро трансформировать взгляды, подавлять автономность мышления в пользу принятия анонимных коллективных решений, не дающих возможность определить, по чьей вине допущены ошибки. Как правило, чем выше по служебной лестнице поднимается функционер, тем скорее формируется его если не высокомерное, то пренебрежительное отношение к гражданам, не работающим в органах власти, а собственное участие в контроле политического сознания и поведения людей он воспринимает как необходимость.

Постепенно углубляется разрыв между целями чиновника (квалифицированная подготовка проектов концепций, планов деятельности органа власти, обеспечение взаимодействия с подведомственными организациями, точное исполнение решений) и результатами его усилий. Бюрократ приходит

к выводу, что часть принимаемых решений необоснованна, привыкает к отсутствию планомерности в деятельности государственно-административного аппарата, участию в составлении программ, которые остаются на бумаге. Периодические проявления активности лидерами, их попытки побудить чиновника к интенсивному труду он воспринимает, как неизбежный компонент службы, складывается его убежденность в том, что традиционный ритм неспешной работы рано или поздно будет восстановлен.

По мере освоения функционером обязанностей в государственно-административном аппарате формируется его противоречивое отношение к профессиональной деятельности. Многие бюрократы с отвращением воспринимают чиновничью службу, но опасаются потерять ее. У них вырабатывается не только пренебрежительное отношение к руководителям органов власти, но и угодность перед ними. Изменение представления функционеров о профессиональных занятиях не ведет, как правило, к снижению самооценки, у них формируется убеждение в том, что уместно унижаться перед единицами, чтобы управлять многими.

Трансформация отношения государственно-административной бюрократии к службе связана не только с приспособленчеством. Некоторые исследователи отмечают, что «современный чиновник идет на риск в необходимых ситуациях», «во все большей степени ориентирован на инновационные изменения», «использует информационные технологии, которые являются оперативным средством рационализации управленческой деятельности» [11, с. 352]. Возложение на функционеров ответственности за разработку какой-либо программы или концепции и поощрение их самостоятельности в поиске решения социальных проблем может привести к мобилизации ими возможностей, которые ранее не были востребованы руководством. Однако изменение представления многих бюрократов о профессиональной деятельности сопровождается и насыщением их лексикона словами «модернизация», «инновация», «глобализация», «демократия», «кластер», отражающими политическую моду, приобретением навыков в компиляции трудов ученых, выступлений иностранных политических деятелей, экстракты из которых оказываются пригодными при составлении программ, концепций. Если же функционеры не чужды тяги к риску, то реже она проявляется в интересах решения насущных социально-экономических проблем, чаще — ради следования хитроумным схемам освоения бюджетных средств или достижения успеха в борьбе за возможность участвовать в распределении их.

Изменение отношения части чиновников к профессиональной деятельности выражается в стремлении к институционализации обогащения. К XXI веку сложилась *рептократия* («репильный» — продажный, коррумпированный, греческое *kratos* — сила, власть, господство) — разветвленная сеть устойчивых, организованных групп государственно-административной бюрократии, злоупотребляющих полномочиями в условиях разделения обязанностей, конспирации и круговой поруки и ориентированных на системное получение личной выгоды путем неофициального перераспределения бюджетных ассигнований вопреки интересам общества и государства.

Основа для формирования таких объединений функционеров в России складывалась на протяжении нескольких столетий. И уже в начале XX века

общество стало отчетливее осознавать, что незаконное перераспределение государственных ассигнований не является уделом одиночек. Сенатские ревизии 1910–1913 годов, материалы которых послужили поводом для судебных процессов, показали, что у чиновничества (особенно высшего) существовали «неофициальные, аферистские, уголовно наказуемые источники доходов, которых нет в распоряжении других общественных групп, и размеры этих доходов были отнюдь не незначительные» [12, с. 4]. В 1915–1916 годы выявлено большое непроизводительное расходование казенных денег Земским союзом и Союзом городов [13, с. 203]. Казнокрадство не было изжито и в Советском Союзе. В 1930–1940-е годы в СССР сложилась разветвленная нелегальная система торговли, производства и посредничества, охватившая все сферы изготовления и сбыта товаров потребления и оказания услуг населению, действовавшая параллельно с официальными государственными организациями, «одновременно находясь с ними в тесной связи». Степень сплоченности в группах расхитителей росла, этим объединениям была свойственна четкая структура, они действовали в условиях строгой конспирации [14, с. 34].

Формированию рептократии благоприятствовали и обстоятельства, сложившиеся в 1990-е годы. В ходе реформ произошли изменения в социальной структуре российского общества, сложились имущественная дифференциация и стратификация по новым основаниям, отменены многие из запретов и ограничений, существовавших ранее в сфере организации людьми самостоятельных акций. Данные процессы сопровождались легализацией теневых групп, действовавших в советские времена за пределами правового пространства. При избирательном применении законов, непрозрачности в расходовании бюджетных ассигнований специфические взаимодействия превратились в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему общественных отношений, становится нормой поведения больших групп индивидов [15, с. 54–55]. Рептократия не только охватывает государственные организации, но и стала партнером частных предприятий в конкурентной борьбе, действует в сферах дорожного строительства, здравоохранения, продажи вооружений и военной техники и иных. В объединениях чиновников, злоупотребляющих полномочиями, царит строгая дисциплина, между ними распределены специфические обязанности, связанные с обеспечением распределения бюджетных средств, прикрытия участников акций во взаимоотношениях с правоохранительными органами, компрометации чиновников, наделенных правом контроля и проявляющих интерес к деятельности сообществ, совершающих противоправные действия, а также наделением партнеров незаконно перераспределенными наличными суммами. Опасения функционеров, воспринимающих себя как ловких добропорядочных людей, заботящихся о благосостоянии своих семей, по поводу возможности привлечения их к ответственности минимальны. Административные учреждения выявляют малую часть нарушений законодательства, допущенных чиновниками, а материалы проверок чаще всего не передают правоохранительным органам и не передают огласке.

Высокий уровень организации взаимодействия членов устойчивых групп бюрократов, недостаточ-

ные усилия, прилагаемые контролирующими органами, несовершенство законодательства создают условия для широкого распространения рептократии. Это явление известно во многих государствах, осуществляющих реформы модернизации, а также в некоторых западных странах, где, несмотря на установление между индивидами в основном договорных отношений, регулируемых правом, можно наблюдать следование противозаконным схемам в финансовом секторе. В США проблема нарушений закона коренится в системе, в которой низшие классы, мафия, коррумпированный публичный сектор и преступные сообщества объединяются ради выгоды и власти [16, р. 9–10].

В качестве еще одного типа трансформации отношения чиновников к профессиональной деятельности можно выделить *статусный*. Он характеризует высокопоставленных сотрудников предприятий, финансово-кредитных учреждений, негосударственных фондов, обладающих управленческими способностями и перешедших в органы власти. Для одной части деловых людей, в которых уживаются стремление служить Отечеству и прагматизм, ориентация на первоочередный учет собственных интересов, новая деятельность открывает возможность самоутверждения. Не удовлетворенные положением преуспевающих индивидов, известных служащим конкретной компании и деловым партнерам, они намереваются убедить общество, что способны управлять многочисленными группами населения. Настроенные таким образом функционеры жаждут привнести в бюрократическую деятельность больше динамизма, мобильности, помочь политическим лидерам в реализации крупных социально-экономических проектов, готовы сменить тех руководителей, которые недостаточно эффективно действуют в административных учреждениях.

Деловые люди подготовлены к вероятным разочарованиям, восприятию нравов, царящих в чиновничьей среде, но действительность превосходит их ожидания. Пытаясь спроецировать хозяйственные методы на административную деятельность, они вязнут в длительном согласовании различных действий органами власти, имеющими различные интересы. Рутинное дело поглощает силы деловых людей, ставших функционерами, они вынуждены либо принять нормы деятельности бюрократии, либо сменить место работы.

Для другой части представителей сферы бизнеса, среди которых – и люди, в прошлом являвшиеся деятелями теневой экономики, труд в качестве чиновника в органах власти служит инструментом для лоббирования коммерческих интересов. Приобщение к среде государственно-административной бюрократии, приобретение власти над множеством граждан способствуют повышению самооценки индивида. Терпимо относящийся к нарушениям закона, он предрасположен к взаимодействию с рептократией.

Можно выявить и такой тип трансформации отношения функционеров к профессиональным занятиям, как *рефлексивный*. Он раскрывает возможности интеллектуалов, обладающих теоретическими и практическими знаниями и участвующих в деятельности государственно-административного аппарата. Одна часть их публично выражает склонность к творчеству и преобразованиям, но она оказывается притворной. Интеллектуалы легко адаптируются в новой среде, если в действительности движимы меркантильными устремлениями и готовностью

беспрекословно подчиняться бюрократической дисциплине. Продвигаясь вверх служебной лестнице, эти индивиды, как правило, не выдерживают испытания привилегиями, властью над множеством людей, а также близостью к сфере распределения бюджетных средств. Их подход к оценке социально-политических явлений упрощается, сводится к поиску выгод для господствующей в обществе группы. Все реже уделяя внимание потребностям граждан, функционеры в большей мере увлечены удовлетворением собственных пристрастий, так же, как некоторые деловые люди, могут пополнить ряды рептократии.

Другая часть интеллектуалов, напротив, вынашивает конструктивные идеи, нацелена на участие в реализации интересов социальных групп, но чаще всего не наделена весомыми полномочиями в системе властных отношений. Представления этих людей об административных делах как о творческой преобразовательной деятельности вступают в противоречие с ценностями, которым привержен чиновник (утилитаризм, стабильность, патернализм, потребление). Бюрократия признает мыслительную силу и порядочность интеллектуалов, но предлагаемые ими проекты либо отвергает как нереалистичные, либо вносит существенные коррективы, подчас изменяющие их до неузнаваемости. Если профессионалы, лишь в малой степени раскрывающие возможности в деятельности государственно-административного аппарата, не становятся конформистами и не утрачивают способность действовать самостоятельно, тягу к творчеству, они могут оказаться полезными во временных рабочих группах.

Несмотря на противоречия, существующие в их отношениях, бюрократы и профессионалы, видимо, обречены на сосуществование. Временные творческие группы едва ли способны вытеснить занятые ежедневно рутинным делом организации, в которых обеспечены жесткое разделение и строгая регламентация труда и которые поддерживают связь звеньев механизма воспроизводства чиновничества.

Сосуществованию бюрократов и профессионалов благоприятствует и то обстоятельство, что критерии, позволяющие отделить одних от других, неопределенны. Учет дел функционера подобен сизифову труду. Руководители органов власти не имеют представления об эффективности действий подавляющего большинства людей, подчиняющимся им. Чиновники хотят всегда выгладеть, как знатоки дела, преуспевают в сокрытии собственных упущений, прилагают усилия для компрометации интеллектуалов, входящих во временные рабочие группы. Иногда и потребности в мимикрии не возникает: некоторые качества, привычные для бюрократа (скрупулезность в подготовке документов), присущи многим профессионалам.

Возможно ли усиление воздействия профессионалов на бюрократическую среду? Разработка механизма поиска наиболее ценных представителей социальных слоев, готовых служить обществу, с большим или меньшим успехом ведется в различных странах. Компонентами данной системы являются институционализация требований к деловым и нравственным качествам административных руководителей, повышение влияния кодексов чести на государственных служащих, организация конкурсов для претендентов на бюрократические должности. Но не существует страны, где действует эффективная система отбора, обеспечивающая

профессиональную компетентность функционеров и обладание ими такими качествами, как честность, уважение законов и прав гражданина, способность заботиться об общем благе. Многие представители государственно-административного аппарата не вовлечены в деятельность рептократии лишь из-за отсутствия возможности участвовать в распределении бюджетных ассигнований.

Влияние профессионалов на чиновничью среду ослаблено в России в связи с тем, что чиновничество неподконтрольно обществу, а стимулы для совершенствования деятельности функционеров неочевидны. При отборе людей для бюрократического аппарата высока конкуренция не среди лучших представителей социальных групп, а среди членов кланов как устойчивых административно-экономических групп, состав которых объединен общими интересами и консолидируется вокруг деятелей государственной власти. В этих обстоятельствах ценны усилия традиционных масс-медиа, онлайн-изданий и оппозиции, распространяющих сообщения о рептократии, нарушениях правовых и этических норм, допускаемых госслужащими.

Данные сведения отражают и трансформацию отношения функционеров к профессиональным занятиям, которая нередко свидетельствует об их готовности влиться в ряды рептократии, открытой для любого чиновника, причастного к распределению бюджетных ассигнований. Ее ценности разъедают административный аппарат, существует возможность деградации системы управления. Однако лидеры, законодатели и государственная бюрократия терпимо относятся к деятельности рептократии, так как она лояльна политическому режиму, создает условия для расширения круга действия любых идеологических представлений, угодных господствующей в обществе группе, заинтересована в сохранении политического равновесия, обеспечении экономического благополучия страны. В то же время рептократия препятствует совершенствованию работы функционеров, а также распространению адхократии, так как последняя стремится привнести в их деятельность иные ценности (творческий подход, независимость, приемлемость экспериментов). Обновлению среды чиновников, повышению эффективности их деятельности содействует регулярная сменяемость политических элит. Приобретению государственно-административной бюрократией черт мобильной, динамично развивающейся системы благоприятствуют конкуренция среди людей, претендующих на должности госслужащих, контроль обществом деятельности функционеров.

Библиографический список

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. — М. : Мысль, 1971. — Т. 2. — 268 с.
2. Михельс, Р. Демократия и железный закон олигархии / Р. Михельс // Диалог. — 1991. — № 3. — С. 42–45.
3. Вебер, М. Образ общества / М. Вебер // Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — 808 с.
4. Merton, R.K. Bureaucratic Structure and Personality // Merton R.K. Social Theory and Social Structure. — New York : Free Press, 1957. — P. 195–206.
5. Parsons, T. Introduction / Weber M. The Theory of Social and Economic Organization, translated by A. M. Henderson and T. Parsons. — New York : Oxford University Press, 1947. — 448 p.
6. Gouldner, A. The dialectic of ideology and technology: the origins, grammar, and future / A. Gouldner. — L. : Macmillan, 1976. — 304 p.

7. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. — М. : АСТ, 2002. — 557 с.
8. Массовое политическое участие в России. Пресс-выпуск № 1728 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: wciom.ru (дата обращения: 20.04.2014).
9. Политическая жизнь страны: оценка и участие. Пресс-выпуск № 2269 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: wciom.ru (дата обращения: 20.04.2014).
10. Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и экспертов. Аналитический доклад. — М. : Институт социологии РАН, 2005. — 98 с.
11. Новая философская энциклопедия : в 4 т. — Изд. 2-е. — М. : Мысль, 2010. — Т. 1. — 744 с.
12. Рубакин, Н. А. К статистике русского чиновничества / Н. А. Рубакин // Спутник чиновника. — 1912. — № 4. — С. 1—4.
13. Веселовский, Б. Б. Самоуправление на рубеже новой жизни / Б. Б. Веселовский // Земское дело. — 1917. — № 5—6. — С. 203—205.

14. Говоров, И. В. Теневая экономика и борьба с ней в Ленинграде в 1930—1940 гг. / И. В. Говоров, С. Б. Кокуев // Вопросы истории. — 2008. — № 12. — С. 24—35.
15. Шабанова, М. «Не правовая свобода» и социальная адаптация / М. Шабанова // Свободная мысль. — 1999. — № 11. — С. 54—67.
16. Simon, D. Elite Deviance. 3rd ed. / D. Simon, D. Eitzen. — Boston etc.: Allyn and Bacon, 1990. — 367 p.

ЕВДОКИМОВ Владимир Анатольевич, доктор политических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций.
Адрес для переписки: EvdokimovVA@list.ru

Статья поступила в редакцию 24.04.2014 г.
© В. А. Евдокимов

УДК 129

Н. В. ФЕДОРОВА

Омский государственный педагогический университет

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ДЕВИАНТНОСТЬ»

В статье рассматривается этимология понятий «девиантность» и «отклонение». Анализируются статьи различных словарей. Выделяются существенные признаки. Формулируется определение рассматриваемых понятий.

Ключевые слова: отклонение, девиантность, норма, сущность, этимология.

Чтобы понять природу любого явления, необходимо выявить его сущность, основные свойства, то, что выделяет данный феномен как отдельное с его особенными признаками. Однако специфическое в отдельном, как и само отдельное, не существует вне связи с общим, поэтому, чтобы раскрыть природу девиантности, необходимо начать с более общего понятия — «отклонение».

Этимологически «отклонение» происходит от глагола «отклонить», из от- + клонить праславянской формы, от которой в числе прочего произошли: старославянское клонити (др.-греч. κλίνειν «наклонять»), русское «клонить», украинское «клоніти», белорусское «клоніць», болгарское «клоня» «клонить, склонять», сербохорватское «клонити», «клоњим» «уклонять(ся), склонять(ся)», словенское klóniti, klōnim «защищать, заслонять», чешское klonit «наклонять; сгибать», словацкое kloniť, польское kłonić, kłoniś, возможно, родственно литовскому klānas «лужа», латышск. klans — то же, первонач. «наклон, скат»; с другой ступенью вокализма: литовское klōni, klōnio «низкое место на пашне», а также литературное klonys «долина», klonė «низина».

То есть в любом случае это означает изменение первоначального положения. Хотя определенные различия все-таки можно обнаружить, условно разделив их на три группы. Так, если в старославянском, русском украинском, белорусском, а также болгарском и чешском языках слово означает действие по отношению к кому-либо или чему-либо, причем это действие может носить как положительную-нейтральную «...наклонять ветку», так и отрица-

тельную направленность «...склонять к проступку». В сербохорватском и словенском смысл меняется с воздействия на действие как таковое «...уклоняться (самому) от ударов судьбы», «...склоняться к чьему-либо мнению», «...защищать честь мундира», «...заслонять свет. А вот в словацком, польском, литовском, латышском языках действие как таковое уходит на второй план и в смысле, в большей степени, отражается результат этого действия: лужа может появиться только в том случае, если поверхность изменилась, то есть появился наклон, либо имеется в виду сам наклон этой поверхности, и что, на наш взгляд немаловажно, изменение поверхности происходит не в любую сторону, а только в сторону снижения уровня.

Подтверждается это и теми синонимами этого слова, которые можно обнаружить в соответствующем словаре, как то изменение, ответвление, колебание, уклонение, отход; отказ, отступление, браковка; аномалия, неправильность, ненормальность, аномальность, патология; девиация, странность, загибон, откидывание, отодвигание, аттракция, атипия, пресечение, отметание, экскурс, дигрессия, флуктуация, дифракция, заворот, поворот, центроотклонение, расхождение, неточность, отбрасывание, отведение, несоответствие, абберация, амплитуда, сдвиг, дрейф, снос, отвержение, смещение, отвод.

Однако в немецком языке значение понятия «отклонение» (нем. Ausweichung) несколько изменится, так как его принято определять как кратковременный уход (например, «...уход в побочную

тональность, совершаемый в пределах основной тональности». — В. О. Берков). Кратковременность указывает на возможность возврата к прежнему, основному, главному, первостепенному, более важному, да и само отклонение не представляется, в данном ракурсе чем-то, что может иметь серьезные последствия.

Итак, из этого небольшого экскурса по славяно-романским языкам можно заключить, что отклонение рассматривается как изменение чего либо или как результат этого изменения, который может быть и положительным, и отрицательным, а кроме того, в определенных случаях имеет временный характер.

В английском языке понятие «отклонение» (deviation) имеет свой нюанс рассмотрения. В русско-английских словарях данное слово означает отклонение (напр. от среднего значения), погрешность, неточность изготовления — на наш взгляд, в данном случае речь идет о незначительных, небольших отклонениях.

Например, понятие «погрешность» само по себе означает оценку отклонения измеряемого и является характеристикой точности измерения. А поскольку абсолютной точности практически не существует, то и погрешность присутствует в любом измерении. То есть в данном случае мы говорим, по сути, о норме. Выходит некий парадокс — отклонение есть, но оно есть во всем и потому само по себе есть норма. Однако стоит упомянуть о вариантах погрешности, так есть абсолютная или относительная погрешность — эти две разновидности только подтверждают наши предыдущие размышления, если говорить о субъективной погрешности или случайной, то в таком случае — это может быть и не погрешность измеряемого, а скорее погрешность измерителя, но если речь идет о систематической погрешности или грубой, то следует обратиться к рассмотрению причин возникновения данной погрешности и, возможно, о норме говорить уже не придется.

По сути, такой же логике рассуждения можно придерживаться, рассматривая понятие «неточность» как производное от понятия «отклонение» и как синоним понятия «погрешность».

Однако в некоторых английских источниках встречается понимание отклонения как разрыва. В данном случае угол рассмотрения смещается во временной аспект. Разрыв может быть полный, а это и по интенсивности уже не то же самое, что «погрешность», и по времени может быть, например, концом отношений или временным, то есть предполагающим, при определенных условиях, возврат к предыдущему состоянию.

Для нас, в любом случае, очевидно, что современное слово, означающее девиантность, явно произошло от английского deviation. Далее обратимся к анализу понятия девиантности и убедимся, что в английском было заимствовано не только написание и произношение, но во многом и содержание данного феномена.

Если обратиться к более ранним источникам, то рисуется «морская» картина, так, в объяснении 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней издания 1865 года, автор А. Д. Михельсон определяет девиацию от новолатинских *deviatio*, от *via*, дорога и понимает как отклонение магнитной стрелки в компасе вследствие влияния на нее больших масс железа на корабле [1].

В словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка 1910 года, А. Н. Чудинов несколько расширяет предыдущее определение, сохраняя новолатинское происхождение — это отклонение магнитной стрелки в компасе на корабле от действия на нее больших масс железа, находящихся в трюме, или ненужное отклонение от предназначенного направления (говорится преимущественно о кораблях) [2].

Полный словарь иностранных слов М. Попова, вошедших в употребление в русском языке, и Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, Ф. Павленкова, изданные в 1907 году, содержат, по сути, аналогичные определения: отклонение магнитной стрелки компаса, происходящее под влиянием большого количества железа, размещенного повсюду на корабле, и отклонение от должного направления, например, хода корабля, соответственно [3, 4].

Возможно, на преваширование морского понимания данного термина оказало влияние развитие мореходства последних столетий. Многие великие державы осваивали морское пространство, завоевывали выход в море. Быть матросом было престижно для молодых людей, а образ пирата был, в свою очередь, весьма романтичным в представлениях молодых особ женского пола. Для завоевания морских просторов было необходимо открывать новые морские пути, в то же время военные и торговые суда передвигались по уже проверенным направлениям. И вот эта самая девиация могла иметь довольно серьезные последствия для мореплавателей.

То есть передвижение корабля по намеченному, апробированному пути должно было привести к намеченной цели, желаемому результату, в то время как отклонение от заданного курса могло привести к неожиданному результату или даже к гибели.

Однако тот самый неожиданный результат не всегда имел негативные последствия. Возможно, у всем известного мореплавателя Христофора Колумба на его судне как раз и приключилась такая неприятность как девиация? Но, в таком случае, именно она принесла мореходу славу первооткрывателя.

Однако, возвращаясь к толкованию понятия «девиация» в словарях, следует отметить, что даже в некоторых современных словарях описание этимологии данного слова не отличается разнообразием. Как правило, указывается, что происходит оно от лат. *deviatio* — «отклонение», от гл. *deviare* — «уклоняться в сторону», из *de* — «из, от», из праиндоевропейского. *de- + via* «дорога, путь», дальнейшая этимология остается неясной.

В то же время в Словаре иностранных слов 2006 года, автором которого является Н. Г. Комлев, девиация, как и сто лет назад, определяется как физическое отклонение магнитной стрелки компаса от линии магнитного меридиана вследствие влияния близко расположенных намагниченных тел [5].

И в это же время появляются более развернутые словарные статьи. Например, в Толковом словаре иностранных слов Л. П. Крыгина издательства «Русский язык» 1998 года и Большом словаре иностранных слов издательства «ИДДК» 2007 года даны по четыре определения, которые разделены по различным направлениям науки:

1. *Физ.* Отклонение магнитной стрелки компаса от линии магнитного меридиана вследствие влияния близко расположенных намагниченных тел.

2. *Биол.* Разновидность *филэмбриогенеза*: эволюционные преобразования органов у животных,

происходящие на средних стадиях формирования этих органов.

3. *Ав., мор.* Отклонение самолета или корабля от заданного курса под влиянием каких-либо внешних причин.

4. В сочетании: девиация частоты (*rag.*) — отклонение от среднего значения частоты электрических колебаний при частотной модуляции.

1. Отклонение стрелки компаса от магнитного меридиана под влиянием находящегося вблизи железа. 2. Отклонение движущегося тела (корабля, самолета, снаряда и т.п.) от заданного направления движения под влиянием каких-либо внешних причин. 3. Отклонение в нормальном развитии какого-либо органа на средней стадии формирования, приводящее к изменению его строения у взрослого организма. 4. Наибольшее отклонение частоты от среднего значения при частотной модуляции [6].

В 2009 году в издательстве by EdwART выходит Новый словарь иностранных слов, в котором по аналогии с предыдущими определения разделены уже на шесть категорий, добавлено понимание радиотехническое и психологическое:

1) физ. отклонение магнитной стрелки компаса (от линии магнитного меридиана) вследствие влияния близко расположенных намагниченных тел;

2) биол. разновидность филэмбриогенеза, при которой изменение в развитии органа происходит на средних стадиях его формирования и приводит к отклонению в строении этого органа у взрослого организма;

3) отклонение от правильной линии, от заданного курса корабля, самолета и т. п. под влиянием каких-либо внешних причин;

4) в радиотехнике — д. частоты — отклонение (максимальное) от среднего значения частоты электрических колебаний при частотной модуляции;

5) спорт. отклонение магнитной стрелки компаса от линии магнитного меридиана вследствие влияния масс железа яхты;

6) псих. отклонение в поведении, девиация полова — отклонение от нормы полового поведения [7].

А дальше, как говорится, больше, появляется девиация педагогическая, социальная, сексуальная, политическая и даже геодезическая, девиантное поведение и девиантная наука. Однако, как известно, количество не всегда переходит в качество. Из огромного количества определений невозможно понять, что есть это отклонение? насколько большим оно должно быть, чтобы действительно называться отклонением? в какую сторону отклонение? отклонение от чего? идет ли речь о временном отклонении или оно стабильно? до каких пор возможно это отклонение и где та точка непрогредиентности? и т.д.

Дальше всех в разработке данного понятия продвинулись представители частных наук: социологи, педагоги, психологи и т.д. Существуют многочисленные попытки в рамках этих наук ответить на возникающие вопросы, но каждое из них освещает лишь какую-либо одну сторону данной проблемы. И с увеличением количества определений увеличивается количество вопросов.

Попробуем проанализировать сущностные признаки и сформулировать определение изучаемого явления.

Современными исследованиями доказано, что девиация наблюдается у людей с психическими отклонениями и без таковых. При этом и те и другие могут отклоняться от социальных, нравственных,

правовых и любых других норм. Разница оказывается лишь в подходах к коррекции и реабилитации. Если девиация связана с психической патологией, то, как правило, не обходится без психофармакологического лечения, а в иных случаях используются методы психологического воздействия.

Социальные нормы, регулирующие общественное поведение людей и их взаимоотношения с обществом, могут включать в себя и нравственные, и эстетические, и правовые нормы. Социальные нормы определяют исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, границу, интервал допустимого поведения, деятельности людей. Социальная норма находит свое воплощение в законах и традициях, в образе жизни большинства населения. Так, правовые нормы оформлены в виде свода законов, и их нарушение влечет за собой наказание, предусмотренное по закону. Нарушение нравственных и эстетических норм вызывает общественное порицание, осуждение. В любом случае общество реагирует на нарушение санкциями по отношению к нарушителю. Исходя из этого, можно предположить, что когда мы говорим о девиации, то подразумеваем отклонения хотя бы от одной из общественных норм.

Еще один, важный для понимания сущности девиации вопрос, в какую сторону должно быть отклонение от нормы. Если условно принять за норму нечто среднее, характерное для большей части людей, то отклонения от нормы будут наблюдаться в обе стороны, то есть иметь как положительную, так и отрицательную направленность. Ученые утверждают, что нормально развивающееся общество состоит примерно на 10–12 % из «героев» и на 10–12 % из «нарушителей» [8]. Следует ли считать девиацией отклонение в любую сторону, или только в сторону отрицательного, негативного?

Например, героизм и самопожертвование есть отклонение от обыденной нравственной жизни, поскольку не предписано социальными нормами. Тем не менее общество обычно превозносит своих героев, их поступки популяризируют, с них берут пример.

С другой стороны, героизм не всегда одобряется обществом, он может и осуждаться, расцениваться как «никому не нужный», «бессмысленный». Это указывает на нарушение социальных ожиданий. Отсюда можно вывести, что девиантность — это не просто отступление от общепринятых норм, но и несоответствие социальным ожиданиям, за которым следует осуждение или даже наказание обществом. При этом в какую сторону сделано отступление, с плюсом или с минусом — не суть важно. Если поступок не соответствует социальным ожиданиям, то он всегда оценивается обществом со знаком «минус».

Отсюда возникает еще один интересный аспект рассмотрения вопроса девиантности — а всегда ли оно оценивается обществом со знаком «минус»?

Например, отношение к «экстремалам» в последнее время сильно изменилось от крайне отрицательного — маркировки как хулиганство — к довольно положительному — как к особому виду спорта с включением политических и коммерческих структур.

Правда, о субкультурности нельзя сказать подобное — российское общество ещё не готово изменить своё отношение в корне к таким явлениям, но либерализация общества, даже российского, уже налицо — свободная организация концертов

и множество атрибутики субкультур в свободном доступе. То есть девиация является довольно противоречивым феноменом и обладает двойственным значением в будущей социальной реальности и исторической перспективе в целом. Особенно девиантностью является способность к мимикрии (от англ. *mimicry* — маскирование, подражание) — под другие явления, социально одобряемые формы деятельности.

Развитие и изучение последних современных двух способов мимикрии девиации до социально приемлемого явления, так или иначе помогает проводить профилактику и нейтрализацию различных негативных элементов девиантности, таких как алкоголизм, наркомания, хулиганство и прочих криминальных и протокриминальных форм существования и поведения человека.

Другой аспект проблемы девиантности связан с его возрастными границами. В данном случае, если речь идет о совершении девиантных поступков (которые часто называют проступками), то рассмотрение этого аспекта имеет смысл. Мы должны признать, что изначально поведение маленького ребенка социально ненормативное. Нормы усваиваются им в процессе социализации. Например, никому не придет в голову назвать девиацией действия ребенка, испортившего какой-нибудь шедевр, хотя взрослого за подобное же осудили бы как вандала. В действиях малыша скорее бы усмотрели процесс изучения предмета и его функций. С какого же возраста тогда ненормативное поведение может считаться девиантным?

Вполне очевидно: чтобы нарушить те или иные нормы, их надо сначала усвоить, признать за норму, целесообразную границу. Границы бывают внешними и внутренними по отношению к человеку. В качестве внешних границ, а значит, и регуляторов поведения, можно назвать авторитеты, идеалы, референтные группы, социальные нормы и т.п.

Внешние границы изменяются с возрастом. Отклонение от них тоже рассматривается в рамках возраста. Поэтому об отклонении от нормы, видимо, надо говорить лишь в тех случаях, когда поведение человека не соответствует возрастным нормам социализации личности.

Однако если мы говорим о девиации развития, то возрастной аспект рассмотрения проблемы становится неактуальным. Отклонения в развитии случаются у взрослых людей и даже у людей преклонного возраста (деменция), однако, особенно в последнее время, все чаще говорят о врожденных отклонениях в развитии. В любом случае — это никогда (или почти никогда) не зависит от самого человека и тем более от его возраста.

Из всего вышесказанного можно выделить наиболее существенные характеристики девиантности:

— девиантность ведет к нарушению взаимодействия человека с социумом, это всегда отклонение от социальных норм и ожиданий;

— рассмотрение проблемы девиантности может иметь положительный ракурс;

— девиантность в отдельных случаях (девиантное поведение) зависит от возраста человека.

Итак, резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что «девиантность» может рассматриваться как частный случай более широкого понятия «отклонение». Этимология его претерпела существенные изменения (расширилась и уточнилась). Его сущностными признаками являются как положительное, так и отрицательное по направленности отклонение от социальных норм и ожиданий, которое, в некоторых случаях, зависит от возраста человека.

Исходя из этого, девиантность можно определить как любое отклонение от общепринятых норм (положительное или отрицательное), которое всегда противоречит ожиданиям общества и в отдельных случаях может зависеть от возраста человека.

Библиографический список

1. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с обозначением их корней / Сост. А. Д. Михельсон по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Рейфа и др. — М.: Издание А.И. Манухина, 1865. — 718 с.
2. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов. — СПб.: Издание В. И. Губинского, 1910. — 992 с.
3. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / Сост. М. Попов. — 3-е изд. — М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1907. — 456 с.
4. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Составлен по Энциклопедическому словарю Ф. Павленкова, с соответствующими сокращениями в объяснении слов и добавлениями в их числе. — 2-е изд. Ф. Павленкова. — СПб., 1907. — 886 с.
5. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. — М.: Эксмо, 2006. — 669 с.
6. Большой словарь иностранных слов. — М.: ИДДК, 2007. — 464 с.
7. Новый словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/18299> (дата обращения 02.11.2013).
8. Харчева, В. Г. Основы социологии: учебник для студентов ср. спец. учебн. заведений / В. Г. Харчева. — М.: Логос, 2000. — 302 с.

ФЕДОРОВА Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии.

Адрес для переписки: tashafed@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.01.2014 г.

© Н. В. Федорова

ГЕНДЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Культурогенез и возникновение культуры — проблемы, значение которых для современной сферы антропологического знания постоянно растет. Несмотря на многочисленность современных и исторических подходов, они имеют определенные недостатки и могут вступать в противоречия друг с другом. Параллельно этому все больший объем тесно связанных с проблемой человека данных естественных наук вовлекается в новый философский синтез и становится частью не только физической, но и философской антропологии. Возможно, предлагаемый гендерный подход поможет объединить существующие направления и результаты современных исследований, устранив при этом подавляющее число белых пятен...

Ключевые слова: культурогенез, концепции культуры, гендер, половое доминирование, лимитирующий фактор.

Проблема культурогенеза является центральной для современной философии культуры и постоянно расширяет своё дискуссионное поле. Так, sec. А. Я. Флиеру, культурогенез включает не только происхождение, но и любую динамику, развитие, даже закономерный регресс культуры в определённых условиях [1, с. 8]. А согласно наиболее современным и актуальным работам, культурогенез и антропогенез неразрывны по своей сути [2, 3]. П. Л. Зайцев использует принцип единства антропосоциогенеза уже как один из основных базисов для философского анализа [2, 4].

Все современные концепции происхождения культуры имеют определённые сложности. Во-первых, с объяснением возникновения власти и духовных сфер культуры. Во-вторых, с объяснением многообразия и сложности гендерных ролей. В-третьих, ни одна из теорий не даёт однозначного ответа на вопрос о формировании речи (грамматика, фонология, морфемы). Охота, игра, ритуальное поведение, социальный контроль у всех высших позвоночных происходят без зачатков языка и культуры. Простые формы труда, в том числе, для коллектива с набором различных ролей предъявляют даже более низкие требования к коммуникации, чем охота (действия однообразны, срочность их выполнения менее критична). Е. г., волчи стаи практикуют загонную охоту, обходясь стандартной для животного мира системой сигналов (непонятно, зачем вообще предкам человека нужна стала речь).

Возможно, стоит на время отказаться от известных теорий и попытаться реконструировать начало антропо-культурогенез только на основе данных естественных наук. Последние выделяют несколько основных этапов, не концентрируясь при этом на механизмах и движущей силе. Так, для «стартовой позиции» формируется следующая картина.

16–4,5 млн л. н. — существуют многочисленные предки человекообразных обезьян и человека. Орангутанги отделяются от общей ветви около 15 млн л. н. и широко распространяются, проникая, в том числе, в Юго-Восточную Азию. Дриопитеки,

жившие 12–9 млн л. н., считаются общими предками шимпанзе, бонобо, горилл и человека. Более поздние виды этого периода сочетают черты человека и человекообразных обезьян с чертами более архаичными, е. г. Сахалентроп, Оррорин и наиболее близкие к древним гоминидам Ардипитеки. Эти виды обитали на деревьях, могли периодически спускаться на землю. Именно в связи с древесным образом жизни появляются зачатки прямохождения — при движении по тонким веткам более массивные по сравнению с маргитками человекообразные обезьяны принимали «позу канатоходца». Подобным образом поступают и современные орангутанги [5].

Человекообразные обезьяны оказываются в кризисной ситуации — привычная среда обитания — леса, сокращается, уступая место саванне. Максимально близкие к исходному виду орангутанги выжили только в Азии, где климатические изменения были не так сильны. Протогоминидам не остаётся ничего иного, кроме как расширить свой ареал, спускаясь на землю в поисках дополнительной пищи. Именно в этот момент происходят социальные преобразования [5]. Во-первых, у всех наземных видов особи объединяются в группы (до 10–15). Во-вторых, власть в группах закрепляется за разными полами. У горилл и шимпанзе — патриархат, у бонобо — матриархат [5–7]. Для современного человека же допустимы оба варианта, в зависимости от условий жизни (конкретной культуры) [8]. Если появление групп весьма распространённое в животном мире приспособление, то почему возникает такая неоднозначность иерархии?

Здесь стоит обратиться к одному из понятий современной социологии — понятию гендера. Большинство авторов оно определяется как набор ролей и моделей поведения, предписываемых обществом для каждого из полов. То есть представители каждого пола выполняют некий набор функций. Вполне логично, что похожая ситуация есть и в биологических системах: феномен полового диморфизма — различие в строении организма у особей разных полов

одного вида не связанное со строением половых органов. Это различие обуславливается разными ролями полов в общем деле обеспечения выживания вида (например, В. А. Геодакян указывает на разную эволюционную роль, часто упоминается разная роль в добыче пищи, защите и уходе за потомством) [9]. Соответственно, каждый пол имеет свою задачу. Закономерно возникает вопрос: если роли полов различны, может ли роль одного из них иметь большую значимость? Ответ может дать фундаментальный экологический закон — закон лимитирующего фактора: «фактором, наиболее значимым для вида (популяции), является наиболее отклоняющийся от оптимального значения». Очень показательным примером является бочка Либиха: наполняемая водой бочка, собранная из досок разной длины. Вода начнёт переливаться через самую короткую доску и длина остальных не имеет уже никакого значения. Только эта короткая доска определяет максимальный объём воды, который бочка может удержать. Ситуация с половым диморфизмом аналогична. Если лимитирующий фактор для вида высокая смертность, которую нельзя преодолеть ничем, кроме высокой рождаемости, то важнее будет роль самок — они контролируют лимитирующий фактор. Последний, однако, будут контролировать самцы, если наиболее важно, например, побороть конкурентов близкородственных видов, а самцы крупнее и сильнее самок.

Пол, контролирующий лимитирующий фактор, обретает власть внутри вида (половое доминирование). Также развиваются механизмы, позволяющие её поддерживать. Например, пчелиная матка контролирует пчёл в улье с помощью химических сигналов, самцы рыб-удильщиков неспособны самостоятельно питаться (им необходимо прикрепиться к телу самки и соединиться с её кровеносной системой), самки пауков зачастую просто крупнее и сильнее самцов, etc.

Что касается приматов, самцы у них более сильны, подвижны и мобильны (т.к. не носят детёнышей на себе и практически не занимаются ими), самки обеспечивают воспроизводство (рождаемость, выкармливание и воспитание потомства). Что может оказаться важнее для каждого из видов?

— Гориллы питаются достаточно грубой растительной пищей, которая находится в лёгком доступе. Поэтому для группы на первый план выходит защита от конкурентов и одиночных хищников. Здесь роль самца практически абсолютна, группа превращается в семейный гарем. Патриархат поддерживается простейшим механизмом — физической силой [7, 10].

— Шимпанзе питаются наиболее просто усваиваемой растительной пищей (орехи, фрукты), иногда насекомыми или охотятся на более мелких обезьян. Количество подобных пищевых ресурсов ограничено и восполняются они относительно долго. Появляется необходимость постоянно кочевать и много сил тратить на их поиск. Соответственно, более мобильные и быстрые самцы имеют преимущество в поиске пищи — контролируют лимитирующий фактор. Патриархат будет легко поддерживаться методом грубой силы [6].

Однако поиск пищи является лимитирующим фактором не всегда и выражен не так однозначно. В определённые периоды на первый план выходит вынашивание и предотвращение ранней смертности детёнышей. Происходит инверсия полового доминирования — временный переход власти к подчинён-

ному полу. Для поддержания подобной временной власти развилось поощрительное спаривание — самки допускают спаривание чаще, чем это нужно для оплодотворения, но вступают в половые отношения только с теми самцами, которые предоставляют какие-либо предпочтения (защищают, приносят пищу etc.). В связи с этим период эструса удлиняется, половые сигналы (покраснение слизистой губ, набухание грудных желез и т.д.) усиливаются и затухают позже — период размножения продолжается фактически весь год. Такое поведение стимулирует внутри группы сложные интриги и заключение союзов. В итоге самки вполне могут сместить доминирующего альфа-самца, заменив его другим [7, 10–12]. В любом случае у шимпанзе как среди самцов, так и среди самок существует своя стратификация, однако общий строй патриархальный хоть и выраженный не так чётко, как у горилл [6].

— Бонобо, или карликовые шимпанзе — редкий вид, питаются фруктами, орехами и насекомыми. Наиболее близки к человеку по соотношению длины конечностей, часто показывают более высокие результаты в тестах на интеллект и эмпатию, чем остальные обезьяны [11–14]. Живут в наиболее влажных тропических лесах, где пищевые ресурсы восполняются быстрее и нет необходимости в постоянном поиске пищи и длительных ежедневных перемещениях. В таких условиях репродуктивная роль самок выходит на первый план. Для поддержания матриархата виду пришлось вырабатывать дополнительные биологические механизмы. Период инверсии полового доминирования увеличивается, половые сигналы проявляются фактически постоянно — самки способны к спариванию весь период года. Коитус используется ими для предотвращения агрессии со стороны самцов. Единичные случаи агрессии, которые не удалось подавить этим способом, самки подавляют сообща силой за счёт численного преимущества. Агрессия по отношению к детёнышам предотвращается за счёт промискуитета — в таком случае самец не может быть уверен, что любой из детёнышей группы не его (похожая схема работает в львиных прайдах) [6, 7].

Описанный механизм даже при матриархальном строе не даёт абсолютного полового доминирования и скорее нивелирует агрессию самцов, снижает их социальную роль. Однако этого более чем достаточно в благоприятных условиях ареала бонобо.

Какими были условия для предков человека? Пища саванны, хотя и позволяет делать длительные стоянки (распределена равномерней и восполняется быстрее, чем лесные плоды, больше хранится), но более грубая (корнеплоды и семена). Шанс спастись от хищников зависит, в первую очередь, от случая. Крупная обезьяна неспособна убежать долго или отрываться от преследователя на короткой дистанции. Спрятаться возможно, только если хищник случайно окажется с подветренной стороны. Засечь его на дистанции большей, чем это может сделать он, также невозможно. Единственное преимущество крупных приматов в саванне — способность поражать цель на небольшой дистанции. Но для этого необходимы метательные снаряды, а число каменистых участков очень невелико. К тому же такая атака эффективна только при групповом нападении, так как имеет невысокую точность и поражающий эффект. Оптимальная стратегия в таком случае — держаться прибрежных каменистых участков и увеличивать численность группы. Крупных хищников можно отогнать, массово забрасывая камнями и отходя

на небольшую глубину (большинство из них заходит в воду крайне неохотно). Частично этой стратегии придерживаются современные павианы и гамадрилы [6, 7].

Рядом с водоёмами выше продуктивность биотопов, также есть возможность собирать моллюсков. Охота на данном этапе эволюционного развития невозможна — даже в лесных условиях шимпанзе могут охотиться только на других приматов и с минимальным процентом успеха [6, 7]. Конечно, после перехода на такой режим жизни должна резко повыситься смертность. Причём её невозможно преодолеть — большинство факторов, обеспечивающих удачный исход при встрече с хищником, случайны. Единственный способ бороться с ней — компенсировать высокой рождаемостью. Вполне логично, что лимитирующим фактором становится повышение рождаемости и предотвращение ранней смертности потомства, а доминирующим полом должны оказаться самки.

Здесь и встаёт проблема механизма поддержания власти самок. Первоначально, определённо, должна была развиваться гиперсексуальность, как и у большинства приматов, е.г. у верветок, живущих на границах открытых пространств, или описанных выше бонобо [6, 7]. Однако этого явно недостаточно. В таких жестких условиях самцы должны не просто ограничить свою агрессию, а стабильно участвовать в заботе о детёнышах, защищать их и самок, поддерживать ресурсами.

Наконец, стоит вспомнить, что такое культура, и какие преимущества её примитивные формы могли дать предкам современного человека. Какие определения дают наиболее используемые культурные концепции? Культура — это механизм контроля человека через систему социальных норм сек. Ницше и сторонникам психоанализа [15, 16]. Культура — это труд, его плоды, орудия и образованные им социальные отношения согласно современным репликам марксизма [17]. Культура — это принуждение к труду, стимулирование сложной, осознаваемой, целенаправленной и волевой деятельности. В таком случае для древних гоминид культура пришлась бы как нельзя кстати — это сильный претендент на роль механизма поддержания власти самок, так необходимого при переходе к жизни в саванне. Самцы, используя своё преимущество в мобильности, могут покидать стоянку на более длительное время и удаляться на большее расстояние. Зарождающиеся понятия морального долга и высших ценностей стимулируют их на поиск новых тактик, способов и стратегий поиска пищи не только для самообеспечения. А прямохождение, уже имеющее серьёзные предпосылки, позволяет доставлять пищу издалека, принося её в руках. К тому же небольшое количество метательных снарядов на случай встречи с хищниками передвигающаяся группа всегда может носить с собой. Популяции, особи которых не способны длительно передвигаться на двух конечностях, будут неизбежно вытеснены в лесные районы, где прямохождение не даёт особых преимуществ (нет крупных хищников — ниже смертность — самцам нет необходимости приносить еду для самок).

Таким образом, **культура** могла возникнуть как механизм поддержания полового доминирования — приспособления, необходимого для выживания предков человека в меняющихся условиях среды. Подобный гендерный подход даёт, во-первых, ответ на вопрос о формировании речи: среди всей деятельности человека только культурная деятельность и социально-идеологический контроль не могут обходиться без сложного членораздельного языка с грамматикой и морфологией

[12, 18, 19]. Во-вторых, он позволяет оценить и проанализировать матриархальные и патриархальные тенденции, возникающие в локальных культурах или на исторических этапах культурного развития (что является актуальным направлением для многих омских исследователей [2, 4]). Наконец, данная концепция может быть полезной и в объяснении происхождения и развития институтов морали, религии, идеологии, власти в частной собственности.

Библиографический список

1. Флиер, А. Я. Культурогенез / А. Я. Флиер. — М., 2005. — 128 с.
2. Зайцев, П. А. Структура и антиструктура: мужская инициация в становлении человечества / П. А. Зайцев. — Омск : Амфора, 2010. — 164 с.
3. Игнатъев, В. Н. Социобиология человека: «Теория гено-культурной коэволюции» / В. Н. Игнатъев // Вопросы философии. — 1982. — № 9. — С. 23–28.
4. Зайцев, П. А. Агональный конфликт: Мужские инициационные практики и конфликты в современном мире / П. А. Зайцев. — Омск : Амфора, 2011. — 156 с.
5. Дерягина, М. А. Эволюционная антропология / М. А. Дерягина. — М., 2009. — 208 с.
6. Дерягина, М. А. Этология приматов / М. А. Дерягина, М. Л. Бутовская. — М., 2002. — 302 с.
7. Линден, Ю. Обезьяны, человек и язык / Юджин Линден. — М. : ЕЁ Медиа, 2012. — 284 с.
8. Wilson, Edward O. Sociobiology: The New Synthesis / Edward O. Wilson. — Croydon : CPI Group, 2011.
9. Квирайя, И. А. Половой диморфизм в природе и культуре : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / И. А. Квирайя. — СПб., 2000. — 211 с.
10. Вааль, де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов / Франс де Вааль. — М. : Альпина нон-фикшн, 2014. — 384 с.
11. Gregg, J. A New Frontier in Animal Intelligence / Justin Gregg // Scientific American. — 2013. — № 10 (2013).
12. Резникова, Ж. И. Интеллект и язык животных и человека. Основы когнитивной этологии / Ж. И. Резникова. — 1-е изд. — М. : Академкнига, 2009. — 518 с.
13. Dwight, W. Working Memory: A Cognitive Limit to Non-Human Primate Recursive Thinking Prior to Hominid Evolution / W. Dwight // Evolutionary Psychology. — 2008. — № 6.
14. J. Cantlon, E. Brannon. Basic math in monkeys and college students / Cantlon J., Brannon. E. // PLoS Biology. — 2007. — № 5 (12).
15. Баксанский, О. Е. Аксиологическая революция Э. Фрейда // Жизнь как ценность / О. Е. Баксанский. — М., 2000. — 288 с.
16. Ирицян, Г. Э. Философия культуры и культурологические идеи Фридриха Ницше : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Г. Э. Ирицян. — Ростов-н/Д, 2002. — 136 с.
17. Иванова, О. С. Историко-проблемное рассмотрение и ход развития орудийно-трудовой теории Ф. Энгельса : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / О. С. Иванова. — М., 2001. — 118 с.
18. Коган, А. Б. Биологическая кибернетика / А. Б. Коган. — М., 2008. — 390 с.
19. Мальцева, Н. Н. Синергетика в методологии гуманитарных наук : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.08 / Н. Н. Мальцева. — Белгород, 2009. — 153 с.

ГОРБУНОВ Иван Викторович, аспирант кафедры философии.

Адрес для переписки: g0rbun0w@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.06.2014 г.

© И. В. Горбунов

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ТИП БИНАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современность демонстрирует человека, отчужденного не только от традиций своей страны и семьи, но и от самого себя. Человек представляет собой мятущееся существо, разрываемое противоречиями и, как следствие, постоянно меняющее собственные представления о себе. В поисках проекта, который бы послужил ключом к разгадке противоречий в человеке, актуально обратиться к понятию «амбивалентность». Для этого необходимо разграничить сферы применения всего комплекса понятий, втянутых в систему бинарных отношений и фиксирующих в своем содержании противоречия какого-либо рода.

Ключевые слова: человек, амбивалентность, двойственность, диалектичность, дуализм, антиномичность.

Исследователи отмечают факт повсеместного в архаическом менталитете структурирования мира с помощью бинарных оппозиций в мышлении, фиксирующих полярное устройство бытия: «бинарные структуры, в принципе сходные с теми, которые выявляются в естественном языке, обнаружены в знаковых системах мифа и ритуала...» [1, с. 238]. Согласно структуралистам, оказавшим влияние на становление бинарной логики, архаическое мышление имеет дологическую целостно-образную форму и еще невосприимчиво к аналитике. Древний мир мыслил бинарными оппозициями, структурируя как свой внешний, так и свой внутренний миры, выделяя пары: правда и ложь, свет и тьма, женское и мужское, добро и зло.

Бинарное отношение к миру проистекает из некоторого эпизода в истории филогенеза, когда человек, вобрав противоположности, сделал их частью своего внутреннего мира: «Человек сделал своей составной частью противоположности, вкусив от древа познания добра и зла, но, совершив такой выбор, он оказался диссоциирован: единая изначальная энергия, несущая в себе в слитом виде, в сплавленной форме, распалась на материю и сознание, дав нашему миру, нашей человеческой реальности нематериальное сознание и не сознающую материю» [2, с. 39].

Позже оппозициями стало оперировать не только повседневное мышление, выражая себя поэтически в мифах, но оно становилось необходимым моментом объяснения мира. В тексте оппозиции начали структурироваться в антитезу как прием различения с последующей процедурой противопоставления: «Проклятие Господне на доме нечестивого, а жилище благочестивых Он благословляет. Если над кощунниками Он посмеивается, то смиренным дает благодать. Мудрые наследуют славу, а глупые — бесславие» [3, с. 22]. В основе антитезы лежит простое разделение на два и более начал в целях структурирования мысли.

Бинарным отношениям соответствует и пантеон парных божеств в индуизме, символизирующих полярные качества бытия: как-то тождество и развитие. Об этом красноречиво пишет индийский мыслитель Вивекананда: «Что именно делает мир тем, что он есть? Утраченное равновесие. В первичном состоянии, именуемом хаосом, царит совершенное

равновесие. Вселенная создается путем борьбы, соревнования, столкновения. Неравенство лежит в основе творчества. Тем не менее силы, стремящиеся установить равенство, являются таким же необходимым фактором творчества, как и те, что нарушают его» [4, с. 77].

Взаимодействие двух противоположных начал отражено во многих символах. Наиболее известный из них — символ «инь-ян». Пара «инь-ян» лежит в основе онтологии Древнекитайской философии и выражает идею полярности бытия в неограниченном ряду противоположностей: положительное и отрицательное, активное и пассивное, внутреннее и внешнее, мужское и женское.

С точки зрения числового символизма, единица выступает символом целостности и единства. Она — символ активности, потаенной мощи непроявленного. «С точки зрения онтологии, единица — символ самого бытия. С точки зрения антропологии, единица выражает активную духовную волю» [5, с. 41]. Двоица же, с одной стороны, символизирует разделение единицы, с другой стороны, наоборот, выражает идею однородности и равнозначности противопоставленных сил.

Таким образом, бинарные отношения представляют собой форму полагания и восприятия мира, в основе которых лежат два противоположных понятия, в которых одно утверждает какое-либо качество, а другое это качество отрицает.

В системе бинарных отношений мы находим ряд терминов, вскрывающих те или иные особенности противоречия.

В отношении к двоице, как выражению противопоставления равнозначности сил, можно говорить о *двойственности*, когда противоположные начала исключают друг друга, но действуют в рамках целого. В философии сложилось представление, что двойственная природа человека есть следствие сочетания в человеке разумного и животного начал. Человек не способен вырваться за свои пределы. Если бы это было так, то он перестал бы быть человеком, поскольку человек — животное со всем набором инстинктов и страстей.

Классическая логика всегда подразумевает определенность в предпочтении одного из противоположных начал: либо истинно одно, либо — другое.

Эту несводимость одной оппозиции к другой демонстрирует нам *дуализм*. Дуализмом в философии называют учение, «исходящее из признания равноправными, несводимыми друг к другу двух начал — духа и материи, идеального и материального» [6]. Например, Р. Декарт строит свою онтологию, исходя из дуалистического представления о бытии, которое предстает у него в виде двух субстанций: протяженной, материальной и мыслящей, духовной.

В теологии дуализм обычно обозначает *гитезизм*, то есть убеждение, что существует два соперничающих друг с другом бога. Один представляет собой силы света, а другой — тьмы; один подчиняет мир порядку, а другой — хаосу. Широко известными учениями подобного толка являются зороастризм и манихейство. Они, являясь яркими представителями дуалистических религий, все же содержат и монотеистические черты, поскольку в основание бытия кладут первопринцип, из которого проистекают две равные, но противоположные сущности.

Говоря о двух началах, ответственных за двойственную природу человека, мы не можем не упомянуть об антиномии, которая, напротив, ограничивает сферу применимости логического мышления, разбивающего бытие на эти противоположности. М. С. Уваров выделяет в истории философии три модели применения антиномического дискурса для обоснования принципов знания [7, с. 214]:

- 1) древнегреческая риторика и апоретика;
- 2) средневековое антиномичное богословие в лице П. Абеляра;

- 3) критическая философия Им. Канта.

Г. В. Ф. Гегелю, представляющему собой апогей рациональности, наличие двух противоположных начал в истории культуры «не давало покоя», поэтому в его философии эти начала и борются, и «мирятся» в единстве, и отрицают друг друга. Сам же Г. В. Ф. Гегель не смог мириться с сосуществованием противоречивых мотивов и, в конечном счете, снял их в синтезе: «всеобщее объемлет в себе и единичное, и особенное, а единичное есть, вместе с тем, всеобщность в самом себе» [8, с. 28]. Г. В. Ф. Гегель хаосу существования предпочел порядок диалектики. Диалектика имела прямое воздействие и на антропологию: на уровне человека снять противоположности можно путём развития сознания, в ходе которого субъективный дух повторяет путь объективного. В итоге в сознании человека должна «сложиться картинка» абсолютного тождества бытия и мышления. Как известно, это область чистой логики, где правит свободное от существования человека чистое понятие.

Таким образом, следует различать следующие важнейшие для понимания противоречия четыре понятия, а также связанные с ними стратегии мышления: *двойственность* и *диалектичность*, *дуализм* и *антиномичность*. Двойственность и диалектичность разделяют противоположности, но соединяют их в синтезе на основе правил классической логики. В этих процедурах акцент делается на взаимодействии противоположностей, под объединяющим их началом. Дуализм и антиномичность фиксируют особое значение баланса и нейтралитета противопоставленных сил. При этом отмечается принципиальная несводимость одной оппозиции к другой.

Мы видим, что философия оказалась втянута в корпус бинарных отношений, в рамках которых серьезно размышляла над противоречием. При этом можно констатировать, что бинарные оппозиции, даже если они и признаются существующи-

ми в человеке (Платон, Овидий, Августин, Абеляр и др.), рассматриваются с позиции онтологии как одна из закономерностей бытия, которая отражается и на человеке (например, онтологические свет и тьма, в случае объяснений противоречий в человеке, экстраполируются на него и выражаются этическими понятиями добро и зло). Такое упорядочение бытия и человека, согласно логике противопоставления, проистекает из структуры мифа, оперирующего неразделенными полярными понятиями.

Каждая из перечисленных стратегий правомерна, но все перечисленные понятия, активно использованные в истории философии, работали исключительно на онтологию. Однако такой интерес к противоречию со стороны онтологии и эпистемологии и в то же время игнорирование антропологической стороны вопроса, сегодня дает право начать дискурс другого качества, позволяя посмотреть на противоречие шире, при этом обогатив и область бинарных отношений, и понятие человека. Имеется в виду не умножение категорий, а, наоборот, — сужение и конкретизация сферы применений каждой из них.

Если противоречие устраняется синтезом или тождеством в онтологии, то как возможно устранение противоречия в рамках антропологии, необходимо еще исследовать. Для описания противоречий с позиции антропологии необходим особый термин.

Человек не абстрактное философское понятие, но существующее здесь и сейчас многообразие всех своих проявлений. Его бытие видится нам как последовательное развитие жизни. В неосознанном, неполагающем состоянии она предстает как тотальность, вбирающая все многообразие бытия. Затем из тотальности выделяется сущность (эссенция), когда жизнь начинает себя осознавать и полагать свое бытие. В этот момент появляется человек как знаковая сущность в структуре бытия. Это развитие бытия в итоге знаменует собой собственно само бытие человека (экзистенция), на котором сознание стремится расширяться, развиваться еще интенсивнее, при этом сущность стремится сохранить свою тождественность, полагать себя и жизнь в-себе.

В итоге бытие человека оказывается заключенным между двух областей: полаганием себя и полаганием мира, тождественностью и развитием соответственно. Такое бытие человека названо в философской традиции экзистенцией, а область, в которой эти две интенции сосуществуют, названа нами амбивалентностью, поскольку в понятии «амбивалентность», экстраполированном из психологии, заключено необходимое для исследования противоречия в человеке содержание. Амбивалентность (от лат. *ambo* — «оба» и лат. *valentia* — «сила») демонстрирует переживание человека, выражающееся в том, что одно событие вызывает у человека одновременно два противоположных чувства. На наш взгляд, во-первых, это переживания человека как эссенциального существа, во-вторых — как экзистенциального.

Так, мы приходим к открытию нового термина, фиксирующего противоречия именно в человеке.

Амбивалентность — это особый тип бинарных отношений, порожденный человеком в своем самоосуществлении и фиксирующий противоречия в его экзистенции. Амбивалентность имеет ряд особенностей:

— дана как разрыв экзистенциальных и эссенциальных влечений;

— выражена в сосуществовании исключаящих друг друга логик;

— предполагает три типа: интеллектуальную, волевою, эмоциональную;

— ее преодоление лишает экзистенцию присутствия, а человека — смысла.

Итак, мы намеревались рассмотреть амбивалентность в системе бинарных отношений. Оказалось, среди терминов, фиксирующих противоречия в системе бинарных отношений, нет ни одного, который бы улавливал именно антропологическое противоречие на уровне экзистенции. Рассмотрев особенности бытия человека, мы обнаружили его экзистенциально-эссенциальную обусловленность, в рамках которой человек влечется одновременно и силами эссенции, и силами экзистенции. Амбивалентность фиксирует это противоречие.

Библиографический список

1. Иванов, В. В. Бинарные структуры в семиотических системах / В. В. Иванов // Системные исследования: Ежегодник. 1972. — М.: Наука, 1972. — С. 238–240.

2. Бескова, И. А. Природа двойственности / И. А. Бескова // Противоположности и парадоксы (Методологический ана-

лиз); под ред. Герасимовой И. А. — М.: Канон+, 2008. — С. 36–70.

3. Книга притч царя Соломона — М.: Астрель, 2012. — 416 с.

4. Свами, Вивекананда. Философия. Йога / Вивекананда Свами. — Магнитогорск: Амрита, 1992. — 522 с.

5. Ключников, С. Ю. Священная наука чисел / С. Ю. Ключников. — М.: Беловодье, 1996. — 192 с.

6. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — 815 с.

7. Уваров, М. С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры / М. С. Уваров. — СПб.: БГТУ, 1996. — 214 с.

8. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 2 / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1975. — 695 с.

ЦВЕТУХИНА Екатерина Андреевна, аспирантка кафедры философии.

Адрес для переписки: kat.kalach@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2014 г.

© Е. А. Цветухина

Информация

Всероссийский конкурс прессы «Лучшее корпоративное медиа-2015»

Всероссийский конкурс корпоративной прессы «Лучшее корпоративное медиа» проводится ежегодно при поддержке Гильдии издателей периодической печати, Ассоциации независимых региональных издателей, Российской ассоциации по связям с общественностью. Полный перечень организаций, участвующих в проведении конкурса, представлен на странице конкурса.

Конкурс 2015 года проводится с **13 октября 2014 по 10 апреля 2015 года**.

К участию в конкурсе принимаются печатные и электронные корпоративные издания, выходящие не реже одного раза в полугодие и удовлетворяющие условиям конкурса. Для участия в конкурсе необходимо направить заявку в Оргкомитет **до 2 апреля 2015 года**.

В перечне номинаций конкурса для печатных изданий такие позиции, как внутрикорпоративная газета и журнал; клиентская газета и журнал; медиа вуза; медиа СНГ; государственного учреждения; годовой отчет (каталог); корпоративный календарь; сувенирно-полиграфическая продукция (например, изготовление ежедневников).

Для электронных СМИ предусмотрены следующие номинации: внутрикорпоративная электронная газета и журнал; клиентская газета и электронный журнал; радио; телевидение, фильм; интранет; интернет-портал; социальные медиа. Дополнительно в конкурсе будут предложены специальные номинации, меняющиеся год от года. Перечень специальных номинаций текущего года формируется, в положении о конкурсе перечислены спецноминации прошедшего конкурса 2014 года.

Специальная премия конкурса — приз зрительских симпатий вручается по итогам голосования посетителей сайта www.corpmedia.ru

Полная информация о конкурсе представлена на сайте www.corpmedia.ru в разделе «Конкурсы».

Источник информации: http://www.rsci.ru/grants/grant_news/287/236902.php (дата обращения: 25.09.2014 г.).